Форум Доноров

Меценатство в Иране

Обзор в сфере меценатской поддержки в странах

БРИКС+

Автор исследования:
Кумаритова А. А.

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ

ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН

ЧАСТЬ 1. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МЕЦЕНАТСТВА В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

Отправной точкой для понимания иранской системы поддержки образования, культуры, искусства и науки служит принципиальное терминологическое наблюдение: понятия «меценатство» в иранской правовой системе не существует. Отсутствует и устойчивый персидский эквивалент, который описывал бы добровольную, бескорыстную поддержку культуры и науки частным лицом в том смысле, в каком это понятие используется в российской или европейской традиции. Вся деятельность подобного рода охватывается универсальным термином «хайрийе» (благотворительность), и в правовом смысле финансирование реставрации архитектурного памятника и пожертвование в пользу сиротского приюта – юридически тождественные действия.

Это не терминологический курьез, а отражение принципиально иной институциональной архитектуры, выстроенной на фундаменте исламского права и шиитской теологии задолго до появления самого слова «меценат» в европейских языках. Специального закона о меценатстве в Иране не существует, и система регулирования в этой сфере складывается из нескольких разнородных правовых пластов.

Центральным и исторически первичным инструментом выступает вакф – неотчуждаемое религиозно-благотворительное пожертвование, действующее бессрочно. По нормам шариата, кодифицированным в статье 55 Гражданского кодекса Ирана 1928 года, учредитель вакфа (вакиф) безвозвратно передает актив – землю, здание, денежные средства или ценные бумаги – на служение определенной цели. Имущество изымается из гражданского оборота: оно не может быть продано, подарено или унаследовано. Управление активом и направление доходов от него на заявленные нужды возлагается на доверительного управляющего – мутавалли. По актуальным данным Организации по управлению вакфами и благотворительностью (Сазман-е Аукаф ва Умур-е Хайрийе), сегодня в стране зарегистрировано свыше 230 тысяч активных вакфов, охватывающих порядка 1,4 миллиона обособленных единиц имущества (рагабат).

«Понятия «меценатство» в иранской правовой системе не существует. Вся деятельность подобного рода охватывается универсальным термином «хайрийе» (благотворительность).»

Вакф является функциональным аналогом западного эндаумента с существенным ограничением: в отличие от целевого капитала, управляемого на финансовых рынках, вакф «замораживает» актив, допуская финансирование уставных целей исключительно за счет доходов от его использования – например, арендных поступлений. При этом иранское законодательство не проводит никакого различия между вакфом, учрежденным в пользу культуры, и вакфом, направленным на социальную помощь.

Надзор за вакфным имуществом осуществляется специализированным государственным органом – Организацией по управлению вакфами (Закон 1984 года), номинально

подчиненной Министерству культуры. Вместе с тем ее руководитель в обязательном порядке наделяется статусом личного представителя Верховного лидера (Намаяндэ-йе Вали-е Факих), что фактически выводит ключевые решения в этой сфере за пределы светского административного контроля.

Поверх многовековой вакфной системы после Исламской революции 1979 года возникла принципиально новая макроструктура – бонъяды (фонды). Это квазигосударственные благотворительные трасты, контролирующие значительную долю ненефтяного сектора экономики. Формально оставаясь благотворительными организациями, де-факто они представляют собой закрытые политико-экономические конгломераты, подотчетные исключительно Верховному лидеру и не подлежащие ни парламентскому контролю, ни полноценному государственному аудиту.

Четыре наиболее влиятельных фонда – Сетад (Организация исполнения приказа имама), Фонд Мустазафин (Фонд обездоленных), Астан-е Кодс-е Разави (один из старейших не только в Иране, но в мире религиозных фондов) и Фонд мучеников – фактически монополизировали реализацию крупных культурных и благотворительных проектов национального масштаба. Фонд Мустазафин содержит собственные культурные учреждения через аффилированный Культурный институт музеев, управляющий десятками исторических комплексов; структуры из орбиты Верховного лидера, в частности Хозе Хонари (Организация исламской пропаганды), де-факто контролируют производство идеологического кино и значительную часть кинопроката.

Значительный пласт благотворительной деятельности в Иране вообще не регулируется светским законодательством, опираясь непосредственно на нормы шариата. Обязательные исламские выплаты – закят (имущественный налог) и хумс (20% от годового сверхдохода, перечисляемые Верховному лидеру) – передаются верующими не в пользу государственного бюджета, а напрямую высшим духовным авторитетам (марджа ат-таклид) или представителям Рахбара. Распределение этих средств – колоссальных по объему и никем не аудируемых – осуществляется духовенством самостоятельно: на социальную помощь, строительство мечетей, издательскую деятельность и поддержку религиозной культуры.

На уровне светского законодательства основным инструментом поощрения меценатства служит Закон о прямых налогах 1988 года. Его нормы распространяются как на юридических лиц, так и на физических: любой налогоплательщик, жертвующий средства в пользу организации, получившей государственное одобрение, вправе вычесть 100% суммы пожертвования из налогооблагаемого дохода. Статья 139 того же закона освобождает культурные и религиозные учреждения от налога на прибыль.

Получение этой льготы, однако, обусловлено прохождением многоступенчатой процедуры аккредитации, выстроенной Исполнительным регламентом о некоммерческих организациях 2005 года. Учредители организации проходят проверку в Министерстве информации (спецслужбах) и полиции; культурные некоммерческие организации направляются на лицензирование в Министерство культуры и исламского просвещения (Эршад). Только после получения его одобрения организация признается легальным реципиентом пожертвований с правом на налоговый вычет для доноров.

Практическое значение этого механизма состоит в следующем: государство через систему аккредитации осуществляет идеологический отбор реципиентов меценатской поддержки. Театр, ставящий патриотический или классический репертуар, получает лицензию и привлекает меценатов; театр, работающий в авангардной эстетике и не соответствующий нормативным критериям, лишен этой возможности. Поддерживать неформальные или нелицензированные культурные проекты с правом на налоговый вычет юридически невозможно.

Конституция Исламской Республики создает правовую рамку для культурной и научной поддержки лишь косвенно. Статья 3 возлагает на государство обязанность обеспечивать

образование и развитие культуры; статья 2 провозглашает «культурную независимость» в числе основополагающих принципов системы; статья 26 гарантирует свободу объединений – но с оговоркой о недопустимости нарушения «принципов независимости, национального единства, исламских стандартов и основ Исламской Республики». Статья 49 упоминает вакфы лишь в негативном контексте, обязывая государство конфисковывать имущество, нажитое путем злоупотребления ими.

Таким образом, конституционные нормы не формируют самостоятельного правового института меценатства, но задают идеологические границы, в рамках которых только и возможна легальная меценатская деятельность.

Описанная система порождает жесткую иерархию субъектов меценатства, выстроенную строго сверху вниз.

На ее вершине находится Верховный лидер (Рахбар) – безусловный суверен системы, концентрирующий в своих руках управление всем крупным институциональным меценатством страны через личное назначение руководителей ключевых бонъядов и вакфных структур.

Второй уровень занимает исполнительная власть в лице Министерства культуры и исламского просвещения, выполняющего функцию идеологического фильтра для частного сектора, и Государственной налоговой администрации, обеспечивающей практическую реализацию налоговых льгот.

Третий, региональный уровень отличается выраженной асимметрией. В Мешхеде доминирует фонд AQR, которому принадлежит значительная часть городской собственности и который самостоятельно, без согласования со светскими властями, возводит университеты, музеи и библиотеки. В исторических городах – Исфахане, Ширазе – сохранение культурного наследия держится преимущественно на личной инициативе состоятельных местных семей и предпринимателей; при этом региональные власти лишены каких-либо полномочий по введению локальных налоговых льгот, поскольку налоговая система жестко централизована в Тегеране.

В основании пирамиды находится частный сектор – культурные некоммерческие организации и независимые меценаты. Именно этот уровень несет на себе всю тяжесть светского регулирования: для легального финансирования культурного проекта с правом на налоговый вычет донор и его реципиент обязаны пройти многоступенчатую аккредитацию, подтвердить лояльность Эршаду и обеспечить исчерпывающую финансовую отчетность – требования, от которых институты верхних уровней иерархии надежно ограждены.

Седьмой план социально-экономического развития Ирана (2024–2029) прямо предписывает правительству привлекать внебюджетные средства в художественное образование, кинематограф и культурный контент – свидетельство того, что государство осознает структурную недостаточность существующей модели и стремится расширить участие частного сектора, не меняя при этом базовых принципов контроля над ним.

ЧАСТЬ 2. НАЛОГОВОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ МЕЦЕНАТСТВА В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

Налоговая система Ирана складывалась прежде всего как инструмент управления религиозными и социальными пожертвованиями, а не как механизм целенаправленного стимулирования меценатства. Тем не менее действующее законодательство содержит ряд норм, которые де-факто работают как стимулы для частной поддержки культуры, науки и образования.

В основе системы лежит принцип двойного освобождения: государство «субсидирует» одновременно донора – через вычет пожертвования из налогооблагаемой базы – и реципиента – через освобождение его доходов от налога на прибыль. Это стандартная международная модель; ее иранская специфика состоит в том, что действие льгот ограничено узким перечнем организаций, прошедших государственное одобрение, а практическое использование

сопряжено со значительными административными издержками.

«Примечательной особенностью иранского законодательства является полное отсутствие верхней планки на сумму пожертвования, подлежащую вычету: Закон о прямых налогах 1988 года не устанавливает никакого лимита ни для физических, ни для юридических лиц.»

НАЛОГОВЫЙ ВЫЧЕТ ДЛЯ ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ: СТАТЬЯ 172

Статья 172 Закона о прямых налогах предоставляет право на вычет 100% суммы пожертвования из налогооблагаемого дохода того периода, в котором оно было произведено. Льгота в равной мере распространяется на физических и юридических лиц.

> Механизм действия нормы можно проиллюстрировать следующим образом: если иранская компания перечисляет 1 млрд реалов на реставрацию объекта культурного наследия через фонд, одобренный Министерством культуры, налогооблагаемая прибыль компании уменьшается ровно на эту сумму. При ставке корпоративного налога 25% реальные затраты донора составят лишь 75% от перечисленной суммы – оставшиеся 25% государство фактически возмещает в форме недополученного налога.

Принципиально важное условие: вычет предоставляется исключительно при перечислении средств в организации, получившие государственное одобрение. Пожертвование напрямую художнику, ученому или независимому театру без государственной лицензии никаких налоговых преимуществ не дает.

Формально закон уравнивает физических и юридических лиц. Различия носят преимущественно административный характер: корпоративные доноры обязаны вести строгий бухгалтерский учет и подтверждать каждую транзакцию документами от одобренных некоммерческих организаций, тогда как физические лица в Иране исторически крайне редко пользуются этой льготой – во многом вследствие низкой культуры налогового декларирования. Для корпораций пожертвование в культурную сферу нередко служит не столько инструментом налоговой оптимизации, сколько способом укрепления связей с государством и духовенством.

НАЛОГОВЫЕ ЛЬГОТЫ ДЛЯ ПОЛУЧАТЕЛЕЙ ПОЖЕРТВОВАНИЯ: СТАТЬЯ 139

Статья 139 Закона о прямых налогах регулирует налоговый статус самих некоммерческих организаций. Доходы, полученные ими в виде пожертвований – денежных и имущественных, – а также членских взносов, грантов и целевых перечислений, полностью освобождаются от корпоративного налога при условии, что средства расходуются строго на уставные цели, одобренные государством. Для учреждений культуры, науки и образования это означает возможность направлять поступающее финансирование в полном объеме на основную деятельность.

Льгота, вместе с тем, не является безусловной. Организации, получающие доходы от предпринимательской деятельности, обязаны подавать налоговые декларации по таким видам дохода – освобождение не

распространяется на коммерческие операции некоммерческих организаций.

НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ВАКФ: СТАТЬЯ 24

Отдельный стимул для долгосрочного меценатства создает статья 24 Закона о прямых налогах, регулирующая налогообложение наследства. Имущество, переданное по завещанию или в форме вакфа государственным культурным, образовательным или религиозным организациям, полностью исключается из налогооблагаемой базы при расчете налога на наследство.

Это формирует прямой стимул для состоятельных иранцев «увековечить» капитал через учреждение вакфа в пользу культурных или научных институтов – вместо передачи его наследникам с уплатой причитающегося налога. Данная норма органично встраивается в многовековую традицию вакфных пожертвований и придает ей дополнительное фискальное измерение.

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ

Принципиальной структурной характеристикой иранского налогового регулирования в сфере меценатства является его полная централизация. В отличие, например, от России, где региональные власти вправе вводить инвестиционные налоговые вычеты для меценатов, поддерживающих местные учреждения культуры, иранские губернаторы и муниципалитеты лишены каких-либо полномочий в этой области: они не могут устанавливать ни дополнительных льгот, ни специальных режимов. Все параметры налогового стимулирования определяются исключительно на федеральном уровне в Тегеране.

Следствием этой централизации является структурное неравенство между регионами: в городах, где отсутствуют крупные религиозные фонды с собственной ресурсной базой, местные власти не располагают инструментами для формирования локальной меценатской среды и вынуждены полностью полагаться на инициативу частных лиц, действующих в рамках единой общенациональной нормативной системы.

ЧАСТЬ 3. МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МЕЦЕНАТСТВА В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

Специфика иранской модели поддержки меценатства определяется прежде всего структурой собственности: земля в городах и значительная часть научной инфраструктуры страны находятся в государственном владении. Это делает предоставление данных активов под меценатские проекты инструментом поддержки, сопоставимым по значимости с прямым финансированием.

На практике механизм реализуется в нескольких формах. Под частные музеи, библиотеки и культурные центры выделяются государственные объекты по символическим арендным ставкам. Частным коллекционерам в ряде случаев передаются исторические помещения, изъятые из неэффективного пользования. Участие мецената в реставрации объекта культурного наследия в концессионном формате, как правило, предполагает последующее право на долгосрочное управление этим объектом. Таким образом, государство, не расходуя бюджетных средств в прямом смысле, формирует для мецената значимый экономический стимул.

В научной сфере инфраструктурное партнерство получило институциональное оформление через механизм «Исследовательских кресел» (Research Chairs), применяемый Иранским национальным научным фондом. Меценаты или корпорации софинансируют долгосрочные исследовательские проекты, тогда как фонд берет на себя организационное сопровождение: экспертную оценку заявок, обеспечение доступа к ведущим лабораториям страны и юридическое оформление прав интеллектуальной собственности. Ключевое преимущество схемы состоит в том, что меценату не требуется создавать собственный научный институт – он получает готовую институциональную рамку с государственными гарантиями, сохраняя при этом партнерский статус и публичное признание.

Государство располагает и инструментами нематериального, но практически значимого содействия, прежде всего, через контролируемую им медиасреду. Государственные телеканалы транслируют сюжеты о крупных пожертвованиях в пользу исторических объектов и научных фондов; муниципалитеты и подведомственные Министерству культуры агентства обеспечивают продвижение проектов лояльных благотворителей. Министерство культуры берет на себя медийное сопровождение крупных международных выставок, позиционируя их спонсоров как проводников иранского культурного влияния.

В этом контексте показательна концепция «культурный обет» (назр-е-фарханги), продвигаемая муниципалитетом Тегерана с первой половины 2010-х годов. Апеллируя к традиционному исламскому понятию назра (добровольного обета жертвования), она предлагает гражданам и корпорациям направлять время, профессиональные навыки или средства на культурные проекты. Концепция наглядно демонстрирует, как государство встраивает меценатство в более широкий идеологический контекст, придавая ему дополнительную символическую мотивацию.

Наряду с материальными стимулами иранская модель располагает разветвленной системой символического признания – особенно значимой в культуре, где репутация и публичный статус играют существенную роль в деловой и общественной жизни.

На федеральном уровне Министерство культуры и исламского просвещения вручает меценатам знак «Служитель культуры» (Khadem-e Farhang) и почетные грамоты на крупных национальных фестивалях.

На региональном уровне наиболее развитой и исторически укорененной системой поощрения располагает фонд Астан-е Кодс-е Разави (AQR) в Мешхеде. На протяжении столетий имена жертвователей – торговцев, аристократов, ученых, военачальников – фиксируются на памятных табличках и в инвентарных реестрах центральной библиотеки фонда; ряд семей поддерживает традицию пожертвований на протяжении трех-четырех поколений. За особо значимые дары – рукописи, произведения декоративно-прикладного искусства, архитектурные элементы – меценаты могут удостаиваться почетных титулов, мест для захоронения на территории священного комплекса (высшая честь в шиитской традиции) и приглашений на закрытые мероприятия духовной элиты.

Примером регионального признания иного рода служит присвоение властями Исфахана частному Музею музыки звания «Лучшего частного музея Ирана». Официальный статус не только защитил коллекцию от административных осложнений, но и обеспечил включение музея в государственные туристические реестры, что гарантировало стабильный поток посетителей и косвенную экономическую поддержку.

ЧАСТЬ 4. КОМПЛАЕНС-АСПЕКТЫ МЕЦЕНАТСТВА В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

По состоянию на февраль 2026 года Иран сохраняет позицию в «черном списке» Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ). Предпринятые в 2025 году шаги в направлении частичной нормализации – ратификация Палермской конвенции (Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности) и условное присоединение к Конвенции о борьбе с финансированием терроризма, подписанные президентом Пезешкианом, – не привели к изменению статуса страны. На пленарном заседании ФАТФ в Париже (22–24 октября 2025 года) выдвинутые Ираном оговорки к Палермской конвенции были квалифицированы как «чрезмерно широкие» и не отвечающие стандартам организации.

Включение Ирана в «черный список» ФАТФ влечет для международного меценатства практические последствия, выходящие далеко за рамки декларативного осуждения. Банки по всему миру применяют к иранским контрагентам режим усиленной надлежащей проверки (enhanced due diligence) или полностью разрывают корреспондентские

отношения. В результате перечисление средств из Европы или Азиии в поддержку иранских культурных организаций де-факто заблокировано на уровне банковской инфраструктуры.

Параллельно с режимом ФАТФ действуют американские и европейские санкции, формирующие самостоятельный и весьма специфический правовой барьер. Американская программа – Управление по контролю за иностранными активами по управлению (Office of Foreign Assets Control – OFAC) распространяется в том числе на крупнейшие культурные институты страны. В частности, фонд «боньяд» Астан-е Кодс-е Разави (AQR) – один из ключевых операторов культурного наследия Ирана – 13 января 2021 года включен в список SDN (Specially Designated Nationals) в соответствии с Указом № 13876. Это означает, что любая американская или европейская структура, финансирующая совместный культурный проект с участием AQR, формально нарушает санкционное законодательство США.

«Практический итог: иранские музеи, обладающие уникальными коллекциями исламского и персидского искусства, оказались фактически отрезаны от международного культурного обмена и от внешних источников меценатской поддержки.»

Практический итог: иранские музеи, обладающие уникальными коллекциями исламского и персидского искусства, оказались фактически отрезаны от международного культурного обмена и от внешних источников меценатской поддержки.

Иранский Закон о противодействии отмыванию денег (2007 год, с последующими поправками) и Закон о противодействии финансированию терроризма (2015/2016 год) обязывают банки отслеживать и сообщать о подозрительных операциях. Однако избыточно широкое толкование этих норм на практике оборачивается тем, что добросовестные некоммерческие организации утрачивают банковское обслуживание наравне с реальными нарушителями. Зарегулированность, таким образом, дополнительно сужает пространство для легального меценатства внутри страны.

Отдельную проблему представляет отсутствие в иранском законодательстве какого-либо регулирования в отношении пожертвований цифровых активов культурным фондам. Ситуация здесь внутренне противоречива. С одной стороны, майнинг криптовалюты легализован в Иране с 2019 года, через страну проходят значительные объемы криптовалютных транзакций, а на внутреннем рынке активно работает биржа Nobitex. С другой стороны, Центральный банк прямо запрещает использование криптовалюты как платежного средства внутри страны.

На практике это означает, что пожертвовать иранскому музею биткоин или NFT-произведение юридически невозможно: государственные музеи не располагают ни бухгалтерскими счетами для учета криптоактивов, ни протоколами их постановки на баланс, ни установленными процедурами оценки, ни применимыми налоговыми механизмами, ни инструментами подтверждения права собственности на цифровой объект.

ЧАСТЬ 5. КЕЙСЫ МЕЦЕНАТСТВА В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

Рассмотрим ключевые примеры реализации меценатских инициатив в Иране, демонстрирующие многовековую устойчивость вакфной модели и успешную интеграцию частных музеев в жесткую государственную регуляторную среду.

ВАКФ И УПРАВЛЕНИЕ

КЕЙС · ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ

Астан-е Кодс-е Разави

Тысячелетняя устойчивость вакфной модели и независимое финансирование культуры.

Фонд Астан-е Кодс-е Разави (AQR) представляет собой наиболее масштабный в мире действующий пример того, как вакфная конструкция на протяжении более тысячи лет обеспечивает непрерывное финансирование культурных и образовательных институтов без единого государственного бюджетного транша.

Организация возникла как система управления пожертвованиями паломников к гробнице имама Резы (VIII в.) в Мешхеде. Сохранившиеся исторические ведомости свидетельствуют о том, что уже в 1885 году, в эпоху Каджаров, фонд располагал сбалансированным бюджетом в 59 260 томанов, сформированным исключительно за счет добровольных пожертвований и доходов от вакфного имущества – без какого-либо государственного участия.

Сегодня AQR представляет собой многоотраслевой конгломерат с численностью сотрудников около 19 000 человек. По оценке Министерства дорог и градостроительства Ирана (2017), фонду принадлежит более 43% территории Мешхеда. В орбиту AQR входят не менее 70 дочерних структур, действующих в фармацевтике, строительстве, горнодобывающей промышленности, сельском хозяйстве, нефтяном и газовом секторах. Центральная библиотека фонда хранит свыше 6 миллионов исторических документов и более 120 000 рукописей; музейный комплекс располагает уникальными коллекциями исламского искусства, ковров, монет и Коранов.

ЧАСТНЫЙ МУЗЕЙ

КЕЙС · ЛЕГАЛИЗАЦИЯ СТАТУСА

Музей музыки в Исфахане

Частная инициатива в строгих государственных рамках: путь к признанию.

Принципиально иную модель – небольшую по масштабу, но показательную с точки зрения навигации в действующей регуляторной среде – представляет Музей музыки в Исфахане.

В декабре 2015 года коллекционеры и музыканты Мехрдад Джейхуни и Шахрияр Шокрани открыли частную экспозицию, включающую более 300 редких персидских и мировых музыкальных инструментов. Ключевым условием успеха стала продуманная правовая стратегия: музей был оформлен под эгидой регионального отделения Организации культурного наследия, ремесел и туризма как первый в Иране частный музей музыки – без запроса на прямое бюджетное финансирование.

Выбор этой модели немедленно принес ощутимые практические результаты. Уже в 2016 году музей получил звание «Лучшего частного музея Ирана» от Организации культурного наследия; Иранское отделение Международного совета музеев (ICOM Iran) присудило ему высший балл за соответствие техническим и физическим стандартам. Официальное признание обеспечило включение музея в государственные туристические реестры, защитило коллекцию от административного давления и создало условия для развития площадки как мультисенсорного культурного центра – с кафе, аудиогидами и живыми концертами.

ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН

Меценатская деятельность: правовое регулирование, налоговые льготы, практика (IR)

A. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О СТРАНЕ

Официальное название	Исламская Республика Иран
Правовая семья	Романо-германская (с исламским правом как конституционной основой)
Язык законодательства	Персидский (фарси)
Валюта	Иранский риал (IRR, ﷼)
ВВП (ППС, 2024 г.)	≈ 1,6 трлн USD; доля в мировом ВВП по ППС ≈ 0,9%
Специальный закон о меценатстве	Отсутствует. Специального закона о меценатстве нет; регулирование осуществляется Законом о прямых налогах 1988 г., нормами вакфного права и Конституцией ИРИ 1979 г.
Уполномоченный орган	Министерство культуры и исламского просвещения (Эршад) – лицензирование НКО культуры; Государственная налоговая администрация – налоговые льготы; Организация по управлению вакфами (Сазман-е Аукаф) – надзор за вакфами

B. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ – ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Единый перечень вопросов применяется ко всем странам БРИКС, что обеспечивает сопоставимость профилей.

B1 Какие законы регулируют меценатскую/благотворительную деятельность в области культуры и искусства?

- Закон о прямых налогах 1988 г. (ст. 139, 172, 24) – основной инструмент налогового стимулирования; Гражданский кодекс Ирана 1928 г. (ст. 55) – кодификация вакфного права; Закон об управлении вакфами 1984 г.; Конституция ИРИ 1979 г. (ст. 2, 3, 26, 49); Исполнительный регламент о некоммерческих организациях 2005 г. – аккредитация реципиентов. Специального закона о меценатстве нет.

B2 Выделено ли меценатство как самостоятельная правовая категория, отдельная от благотворительности?

- Нет. Понятие «меценатство» в иранской правовой системе отсутствует. Вся деятельность охватывается термином «хайрийе» (благотворительность). Финансирование реставрации памятника и пожертвование в сиротский приют – юридически тождественные действия.

B3 Какой круг направлений охватывает регулирование: только культура и искусство или более широкий спектр?

▸ Широкий, неструктурированный предмет: культура, религиозная деятельность, наука, образование, социальная помощь – все охватывается единой категорией «благотворительность» без отраслевого разграничения. Специфика культурной поддержки нормативно не обособлена.

B4 Кто может выступать меценатом (жертвователем): физические лица, юридические лица, иностранцы?

▸ Физические и юридические лица – иранские резиденты. Иностранные доноры де-факто заблокированы санкционным режимом (OFAC/ЕС) и включением Ирана в черный список ФАТФ: банковские переводы из-за рубежа в иранские НКО практически невозможны.

B5 Кто может быть получателем меценатской поддержки?

▸ Только организации, прошедшие государственную аккредитацию Министерства культуры и исламского просвещения (Эршад). Пожертвование независимому художнику, нелицензированному театру или частному лицу налоговых преимуществ не дает. Крупные бонъяды (Мустазафин, AQR) де-факто вне общего режима.

B6 Предусмотрены ли налоговые льготы для физических лиц – меценатов? Каков их размер?

▸ Вычет 100% суммы пожертвования из налогооблагаемого дохода – ст. 172 Закона о прямых налогах 1988 г. Лимит отсутствует. Условие: реципиент должен иметь государственную аккредитацию Эршада. На практике физические лица используют вычет редко ввиду низкой культуры декларирования.

B7 Предусмотрены ли налоговые льготы для юридических лиц – меценатов? Каков их размер?

▸ Корпоративный вычет 100% суммы пожертвования из налогооблагаемой прибыли – ст. 172 Закона о прямых налогах. Льгота для реципиентов: доходы аккредитованных НКО культуры освобождены от корпоративного налога (ст. 139). Налог на наследство: имущество, переданное вакфом культурным организациям, исключается из базы (ст. 24). Региональных льгот нет – система полностью централизована.

B8 Существуют ли нематериальные (неналоговые) меры государственной поддержки и поощрения меценатов?

▸ Да: знак «Служитель культуры» (Khadem-e Farhang) и почетные грамоты Министерства культуры; символическая аренда государственных объектов под частные культурные центры и музеи; медиапродвижение через государственные СМИ; концессионное право долгосрочного управления объектом после реставрации; механизм «Исследовательских кресел» ИНСФ в научной сфере; концепция «Назр-е-Фарханги» (культурный обет) муниципалитета Тегерана. Фонд AQR (Мешхед): почетные титулы, места захоронения на территории святого комплекса для крупных жертвователей.

B9 Какие основные законодательные и административные барьеры существуют для меценатства?

- Черный список ФАТФ (по состоянию на февраль 2026 г.) – режим усиленной проверки контрагентов блокирует международные переводы; санкции OFAC/ЕС – ведущие культурные институты (в т. ч. AQR) в списке SDN; идеологический отбор реципиентов через аккредитацию Эршада – авангардные и нелицензированные проекты лишены доступа к меценатству с налоговым вычетом; полная централизация налоговой системы исключает региональные стимулы; правовой вакуум в отношении цифровых активов (криптодонации, NFT); чрезмерно широкое применение антиотмывочного законодательства блокирует добросовестные НКО.

B10 Каковы наиболее значимые примеры (кейсы) меценатства в данной стране?

- Астан-е Кодс-е Разави (AQR, Мешхед): вакфный конгломерат с 1 000-летней историей, >19 000 сотрудников, >43% территории Мешхеда (оценка Минстроя ИРИ, 2017), центральная библиотека (120 000 рукописей). Музей музыки в Исфахане (Джейхуни и Шокрани, 2015): частный музей 300+ редких инструментов, «Лучший частный музей Ирана» 2016 г. (Организация культурного наследия). Реставрация исторического базара в Исфахане (2010-е): меценатский консорциум через вакф с правом назначения мутавалли – защита вложений от административного перераспределения.

Данные актуальны на апрель 2026 года. ВВП по ППС – оценки МВФ (World Economic Outlook 2024/2025). Региональные налоговые льготы отсутствуют – система полностью централизована.